



Генеральная Ассамблея

Семьдесят третья сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
10 December 2018
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 29-м заседании,

состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в среду, 31 октября 2018 года, в 10 ч 00 мин

Председатель: г-н Бьян (Габон)

позднее: г-н Понсе (заместитель Председателя) (Филиппины)

Содержание

Пункт 82 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки.

Поправки должны направляться в кратчайшие возможные сроки за подписью одного из членов соответствующей делегации на имя начальника Секции управления документооборотом (dms@un.org) и вноситься в один из экземпляров отчета.

Отчеты с внесенными в них поправками будут переизданы в электронной форме и размещены в Системе официальной документации Организации Объединенных Наций (<http://documents.un.org/>).

18-18283X (R)



Просьба отправить на вторичную переработку



Заседание открывается в 10 ч 10 мин

Пункт 82 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (продолжение) (A/73/10)

1. **Председатель** предлагает Комитету продолжить рассмотрение глав IX–XI доклада Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (A/73/10).

2. **Г-н Кан** (Сингапур), выступая на тему «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», говорит, что работа Комиссии затрагивает практические аспекты международных связей государств-членов и потому вызывает у его делегации живой интерес. Вопрос о введении исключений из иммунитета *ratione materiae* вызвал в ходе шестьдесят девятой сессии Комиссии острую полемику, в связи с чем требует дополнительного рассмотрения. Вместе с тем очевидно, что государства достигли согласия по меньшей мере по вопросу о неприменимости в отношении их должностных лиц иммунитета *ratione materiae* в определенных обстоятельствах. Поэтому вопрос о гарантиях сохраняет свое значение.

3. Делегация оратора обращает внимание на необходимость сосредоточить внимание на вопросе о гарантиях, для того чтобы не допустить всецело субъективного применения исключений из иммунитета *ratione materiae*. Делегация оратора согласна с членами Комиссии, которые сочли, что обсуждение процессуальных вопросов имеет большое значение для обеспечения того, чтобы иммунитеты, когда они применимы, соблюдались в интересах стабильности международных отношений и уважения суверенного равенства государств.

4. **Г-н Арроча Олабуенага** (Мексика), обращаясь к теме «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», говорит, что его делегация с удовлетворением отмечает, что целью подготовки проекта принципов по указанной теме, изложенных в первом докладе Специального докладчика (A/CN.4/720 и A/CN.4/720/Corr.1), было определение относящихся к этой теме норм и международной практики, основанных на международных договорах и нормах обычного права, а также разъяснение взаимосвязи между применимыми правовыми режимами. В будущих докладах важно четко определить понятия «юрисдикция» и «контроль», поскольку сегодня и в прецедентном праве, и в литературе под международной ответственностью государств подразумеваются различные нормы. Это особенно важно для территорий, оккупированных негосударственными субъектами, получающими помощь

третьих государств. Показательным примером служат различия в принятых Международным Судом и Европейским судом по правам человека критериях присвоения деяний негосударственным субъектам.

5. В формулировке проекта принципа 5 [I-(x)] («Специальное обозначение охраняемых зон») следует сослаться на международную практику в соответствии с положениями Конвенции об охране всемирного наследия 1972 года и Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года. Необходимо добавить пункт, посвященный принятию превентивных мер в мирное время. Делегация оратора предлагает добавить упоминание обычной нормы, кодифицированной статьей 36 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года в связи с проведением правового обзора новых видов оружия, вписав его в контекст охраны окружающей среды. Формулировка принципа также может быть дополнена обозначением охраняемых зон.

6. В отношении проекта принципа 10 [II-2] («Применение права вооруженных конфликтов к природной среде») оратор говорит, что определение необходимо дополнить ссылкой на международную практику, касающуюся нанесения ущерба окружающей среде и его взаимосвязи с понятием военного преимущества, с тем чтобы дать определение потенциальной незаконности разрушительного воздействия на окружающую среду. Ввиду размытия различий между международными и немеждународными вооруженными конфликтами вследствие модификации норм обычного международного права проекты принципов не следует ограничивать одним типом вооруженных конфликтов.

7. Обращаясь к теме «Правопреемство государств в отношении ответственности государств», оратор говорит, что одобренные Комиссией в предварительном порядке проекты статей должны быть пересмотрены в целях упрощения их содержания и структуры и недопущения повторений. Мексика соглашается со Специальным докладчиком в том, что следует исходить из общей базовой нормы о недопущении автоматического перехода к государству-правопреемнику ответственности за международно-противоправные деяния, совершенные государством-предшественником, за исключением впоследствии определенных особых обстоятельств.

8. Что касается проектов статей, предложенных Специальным докладчиком во втором докладе (A/CN.4/719), то делегация оратора разделяет мнение нескольких членов Комиссии, которые сочли, что термин «возмещение вреда», упоминаемый в

пункте 2 проекта статьи 6, ограничит сферу применения проекта статьи только некоторыми аспектами ответственности государств. Будет целесообразным прояснить, что обязательства, вытекающие из международно-противоправного деяния, подлежат передаче в случаях правопреемства в отношении ответственности.

9. Что касается проектов статей 7, 8 и 9, касающихся случаев правопреемства, когда государство-предшественник продолжает существовать, и проектов статей 10 и 11, касающихся ситуаций, когда государство-предшественник прекращает свое существование, делегация оратора поддерживает мнение нескольких членов Комиссии о том, что, учитывая недостаток практики государств, перечисленные проекты статей представляют собой скорее прогрессивное развитие, чем кодификацию существующего международного права. В этой связи он предлагает Комиссии в комментариях уточнить, какие статьи представляют собой прогрессивное развитие, а какие — кодификацию международного права.

10. По мнению делегации оратора, решение об окончательной форме проекта может быть принято на более поздних этапах.

11. Обращаясь к теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», оратор говорит, что в свете того, что вопрос об иммунитете поднимается иностранным судом, его делегация согласна с тем, что рассмотрение процессуальных аспектов иммунитета позволит обеспечить правовую определенность как для государства суда, так и для государства должностного лица, избежать заявлений о политизации судебного процесса, а также будет способствовать укреплению доверия между соответствующими государствами. В этой связи делегация оратора одобряет предложение уделить процессуальным аспектам в следующем докладе особое внимание. Как следует из недавних событий в Международном Суде и из повестки дня Генеральной Ассамблеи, важными представляются вопросы, касающиеся последствий снятия иммунитета и обязательства государств сотрудничать с Международным уголовным судом и международным уголовным трибуналом. Работа Комиссии может благоприятно повлиять на обсуждение этих вопросов.

12. **Г-жа Ньюстед** (Соединенные Штаты Америки) говорит, что за 70 лет своей деятельности Комиссия рассмотрела широкий ряд вопросов и подготовила ценные аналитические материалы, которые используют юрисконсульты, служащие в государственных структурах, частные юристы, судьи и ученые. В свое время с опорой на работу Комиссии были

составлены многосторонние международные соглашения, ставшие основой международного права. В последнее время деятельность Комиссии стала более разноплановой, реже рассматриваются предложения, касающиеся проектов статей, которые могут быть приняты в формате международного договора. Так, большинство проектов, включенных в текущую программу работы Комиссии, имеют форму проектов руководящих принципов или проектов выводов. И хотя для такой формы работы характерны свои преимущества, такие как более краткие сроки согласования, отсутствие четкого согласия государств относительно кодификации той или иной нормы может привести к непониманию статуса, которого заслуживает работа Комиссии.

13. Разумеется, Комиссия не является законодательным органом, определяющим нормы международного права. В ее задачи входит, скорее, систематизация тех вопросов, в отношении которых государства могут пожелать выработать международные правовые нормы. В этой связи Комиссия обязана удостовериться в том, что ее работа отвечает практике, и разграничивать деятельность по кодификации международного права и по выработке рекомендаций относительно его прогрессивного развития. По меньшей мере, если практики государств в поддержку того или иного принципа недостаточно или она отсутствует, Комиссии следует уточнять, что это не является попыткой отразить существующее право. К сожалению, несколько проектов, рассмотренных в докладе Комиссии, представляются противоречащими этому основополагающему принципу. Учет интересов и отражение практики государств в работе Комиссии во многом зависят от самих государств.

14. Соединенные Штаты поддерживают работу Комиссии, участвуя в рассмотрении всего перечня тем, включенных в ее повестку дня, и призывают другие государства активно взаимодействовать с Комиссией. Продуктивные отношения между государствами и Комиссией являются одним из главных условий обеспечения актуальности работы Комиссии и ее длительной жизнеспособности. В этой связи делегация оратора с удовлетворением отмечает, что в 2018 году половина сессии Комиссии была проведена в Нью-Йорке и рассчитывает, что в будущем Комиссия продолжит придерживаться этой практики.

15. Что касается темы «Выявление обычного международного права», Соединенные Штаты убеждены в том, что для того, чтобы определить, приобрела ли та или иная норма статус нормы обычного международного права, требуется тщательный анализ ее соответствия строгим требованиям к формированию

обычного права, то есть наличия общей и единообразной практики государств, которой они следуют, руководствуясь сознанием юридической обязательности. По общему правилу практика государств должна быть широко распространенной и практически единообразной, в том числе среди тех государств, которые особо активно занимаются соответствующей деятельностью. Этот высокий порог важен для всех аспектов анализа или выявления обычного международного права. В этой связи утверждение о том, что практика должна быть «достаточно широко распространена и репрезентативна, а также последовательна», содержащееся в проекте вывода 8, включенного в состав проектов выводов, принятых во втором чтении, не должно ошибочно толковаться как положение, допускающее применение каких-либо иных или менее строгих стандартов; это будет неверным суждением о праве.

16. Проекты выводов и комментарии по теме в целом не должны создавать впечатление, что формирование обычного международного права является простым процессом. Иной подход может придать убедительности бытующему мнению о том, что процесс выявления содержания обычного международного права чрезмерно упростился, а специалисты слишком охотно включают в международное право нормы, не подкрепленные последовательной практикой государств, что может приводить к последствиям, не отражающим политические решения граждан, которые находят свое выражение в практике соответствующего государства.

17. Ранее Соединенные Штаты обращали внимание ряд областей, в которых проекты выводов и комментарии выходят за рамки нынешнего состояния международного права, в связи с чем их лучше всего трактовать как предложения относительно прогрессивного развития права. Соединенные Штаты выражают сожаление в связи с отсутствием четкого разграничения между предложениями относительно прогрессивного развития права и материалами, более точно отражающими существующее право в этих областях. Отсутствие разграничений между кодификацией и предложениями относительно прогрессивного развития права может привести к неверному толкованию соответствующих материалов или к приданию им большего веса, чем следовало исходя из полномочий, на которых они основаны. В силу этих причин читателям необходимо тщательно оценивать такие материалы и учитывать, какие полномочия и какая практика государств легли в основу соответствующих предложений.

18. Проект вывода 4 («Требование наличия практики»), в котором утверждается, что не только

практика государств способствует формированию или выражению норм обычного международного права, недостоверно отражает нынешнее состояние права. В частности, в содержащемся в пункте 1 утверждении, что требование наличия всеобщей практики «прежде всего относится к практике государств, которая способствует формированию или выражению норм обычного международного права», ошибочно подразумевается, что в той же мере, что и государства, формированию норм обычного международного права способствуют другие субъекты. В предложении, содержащемся в пункте 2, согласно которому «[в] некоторых случаях практика международных организаций также способствует формированию или выражению норм обычного международного права», ошибочно утверждается, что международные организации могут способствовать формированию норм обычного международного права так же, как и государства.

19. Базовое требование — формирование обычного международного права на основании всеобщей последовательной практики государств, которой они следуют, руководствуясь сознанием юридической обязательности, — давно отражено в практике Международного Суда и практике государств и в их собственных характеристиках необходимых для установления нормы обычного международного права элементов. Нет схожих оснований утверждать, как это сделано в проекте вывода 4, что практика международных организаций — как отдельно существующее явление, неравноценное практике государств — членов таких международных организаций, — в некоторых случаях также способствует формированию или выражению норм обычного международного права. В этой связи стоит отметить, что в комментариях к этому проекту выводов данная точка зрения почти не обоснована.

20. Следовательно, утверждение, касающееся прямого влияния практики международных организаций на формирование норм обычного международного права, можно толковать исключительно как предложение Комиссии относительно прогрессивного развития международного права. Даже в этой трактовке озвученная в проекте вывода 4 позиция, касающаяся роли международных организаций, имеет множество изъянов. Помимо прочего, в ней не содержится пояснений относительно того, практика каких международных организаций может учитываться при выявлении норм обычного международного права, как может быть установлено *opinio juris* международной организации, и может ли отсутствие поддержки международной организации воспрепятствовать формированию нормы, принятой

государствами. В силу этой и других причин Соединенные Штаты не могут одобрить предложения Комиссии по данному вопросу.

21. Текст проектов выводов на тему «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», приведенный в докладе Комиссии (A/73/10), почти не изменился в сравнении с той редакцией, относительно которой ранее в 2018 году Соединенные Штаты представили обстоятельные письменные комментарии. Соединенные Штаты вновь подтверждают изложенную ранее точку зрения. Соединенные Штаты поддерживают почти все предложения, внесенные в рамках проектов выводов, однако оценить точность и корректность обширных комментариев, сопровождающих проекты выводов, оказалось сложнее. Как и любой другой продукт работы Комиссии, ценность проектов выводов и комментариев по каждому вопросу напрямую зависит от полномочий и практики государств, ставших основанием для рассматриваемого предложения.

22. Несмотря на то, что утверждение, содержащееся в проекте вывода 10 (пункт 1), относительно того, что последующая практика участников договора применительно к толкованию договора «требует общего понимания в отношении толкования договора, которое участники знают и принимают» справедливо применительно к последующим соглашениям, соответствующим статье 31 (пункт 3 а)) Венской конвенции о праве международных договоров, оно неверно применительно к последующей практике по статье 31 (пункт 3 b)). Напротив, параллельная практика применения договора его сторонами, даже если другая сторона о ней не знает, может свидетельствовать об общем понимании толкования или соглашения сторон о значении договора, попадая в сферу действия статьи 31 (пункт 3 b)). Это одно из первостепенных отличий между последующим соглашением и последующей практикой: последующая практика «устанавливает» (если использовать терминологию статьи 31 (пункт 3 b)) соглашение участников; Венская конвенция не требует наличия отдельного соглашения.

23. В комментарии к проекту вывода 12, в котором идет речь об учредительных документах международных организаций, говорится, что положение «[п]рактика международной организации при применении ею своего учредительного акта может вносить вклад в толкование этого акта при применении статей 31 и 32» Венской конвенции, было составлено в целях упоминания роли практики международной организации «как таковой» в толковании документа, на основании которого она была учреждена. Иными

словами, положение относится не к практике государств — членов международной организации, а к действиям самой международной организации. Как ранее отмечали Соединенные Штаты, международная организация не является участником своего собственного учредительного документа. Следовательно, практика международной организации «как таковой» не может являться последующей практикой участника соглашения в соответствии с пунктом 1 статьи 31 Венской конвенции и не может способствовать установлению соглашения участников относительно толкования документа. Утверждение об обратном, содержащееся в проекте выводов, является ошибочным.

24. Что касается проекта вывода 13, экспертные договорные органы не являются участниками договоров, следовательно, их суждения не могут составлять последующую практику в отношении толкования договора по смыслу пункта 3 b) статьи 31. Это было отдельно отмечено в комментарии к проекту вывода, и никакие положения самого проекта вывода не должны быть истолкованы иным образом. Суждения экспертных договорных органов могут использоваться государствами — участниками договоров, но в конечном счете решение о том, отражать ли такие суждения в рамках толкования и применения договора, принимает государство.

25. Что касается решения Комиссии включить тему «Общие принципы права» в ее текущую программу работы, оратор говорит, что, хотя делегация ее страны согласна с тем, что разъяснения могут благоприятно повлиять на характер, охват, функции и порядок выявления общих принципов международного права, она выражает обеспокоенность в связи с тем, что отсутствие достаточной практики государств может помешать Комиссии сделать сколь-нибудь полезные выводы по этой теме.

26. В отношении включения в долгосрочную программу работы Комиссии темы «Универсальная уголовная юрисдикция», делегация оратора обеспокоена выбором темы, которая все еще обсуждается Шестым комитетом, включая рабочую группу, а также параметрами потенциального исследования. Делегация оратора не считает, что активное обсуждение этой темы преждевременно.

27. Что касается включения в долгосрочную программу работы Комиссии темы «Повышение уровня моря и его связь с международным правом», делегация оратора считает, что обширное содержание темы, согласно предложению Комиссии, не соответствует двум критериям, которыми руководствуется Комиссия при выборе новых тем, а именно: тема

«должна быть достаточно созревшей с точки зрения практики государств, чтобы делать возможными прогрессивное развитие и кодификацию», и тема «должна быть конкретной и реально подходящей для прогрессивного развития и кодификации». В частности, делегация оратора сомневается, что вопросы государственности и защиты лиц, затрагиваемых повышением уровня моря, достаточно созрели с точки зрения практики государств. Соединенные Штаты также разделяют опасения, высказанные другими странами относительно числа тем на повестке дня Комиссии. Тем не менее, если Комиссия все же включит тему в свою текущую программу работы, делегация оратора согласится с тем, что наиболее подходящим инструментом для изучения темы станет Исследовательская группа.

28. Соединенные Штаты признают, что тема «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)» представляют значительный интерес и что лучшее понимание природы *jus cogens* может упростить понимание их роли в международном праве. Однако эта тема по-прежнему вызывает у делегации Соединенных Штатов серьезные опасения. В связи с выбранным методом работы над темой делегация отмечает, что, к сожалению, Комиссия не обеспечивает конструктивное и достаточно частое представление государствами своих суждений и не принимает их мнение во внимание. Напротив, по всей видимости, имеют место случаи намеренного отклонения от стандартной практики, которые приводят к задержкам с вынесением проектов выводов на рассмотрение пленарного заседания Комиссии и подготовкой проектов выводов, вследствие чего государствам затруднительно следить за работой Комиссии и принимать в ней участие. Особенности сложности это представляет ввиду того, что по итогам проекта не предполагается получить окончательный результат, который государства могли бы обсудить и одобрить. Делегация Соединенных Штатов призывает Комиссию вернуться к нормальным методам работы, позволявшим утверждать результаты работы над темой поэтапно.

29. Делегация оратора не считает, что по важным вопросам, например по таким, как процесс приобретения той или иной нормой статуса *jus cogens* и правовая сила такого статуса в сравнении с прочими нормами международного и внутреннего права, имеется достаточно международной практики и юриспруденции. Эти вопросы уже вызвали ожесточенную полемику даже в рядах Комиссии, и для государств также являются спорными. Специальный докладчик признаёт, что относительный недостаток практики государств представляет особые трудности, не

считая это, тем не менее, препятствием, когда речь идет о нескольких предложенных проектах выводов. Особое беспокойство это вызывает в ситуациях, подобных сложившейся: когда до настоящего момента в рамках рассмотрения темы не было обеспечено достаточное взаимодействие с государствами, что не позволило им положительно или отрицательно оценить принятый Комиссией текст.

30. Явное расхождение мнений по деликатным вопросам, о котором говорится в третьем докладе Специального докладчика [A/CN.4/714](#) и [A/CN.4/714/Corr.1](#)), недостаток широко распространенной или последовательной практики государств и отсутствие какого-либо механизма, с помощью которого государства могли бы четко выражать согласие с кодификацией норм, указывают на необходимость применения взвешенного подхода. Таким образом, предложение Комиссии завершить первые чтения по проектам выводов на семьдесят первой сессии является преждевременным.

31. В более общем плане отсутствие практики государств или юриспруденции по значительному числу вопросов, рассматриваемых в рамках проекта, напрямую влияет на роль и функцию каждого проекта выводов, принятого в конечном счете в связи с рассматриваемой темой. Несмотря на то, что включенные в проект утверждения обозначены как «проекты выводов», они не основаны на авторитетных правовых источниках, а скорее отражают стремление сформировать с помощью дедуктивных рассуждений представление о том, каким образом те или иные принципы находят применение в гипотетических обстоятельствах. Подобный подход не только не отражает нынешнее состояние права, но и не дает представления о том, каким образом происходит его развитие. Пожалуй, его можно охарактеризовать как представление Комиссией предложений относительно правовых положений для рассмотрения государствами. Именно государства оценивают целесообразность предложений, точно так же как и вес и авторитет проектов выводов зависят от их окончательного принятия и учета в своей практике государствами. Комиссии стоит рассмотреть вопрос о том, не будет ли более широкое применение традиционных аналитических принципов более полезным для общего международного права, основанного на бережно взвешанном консенсусе легитимности.

32. Проект вывода 17, касающийся последствий императивных норм общего международного права (*jus cogens*) для обязательных резолюций международных организаций, служит убедительной иллюстрацией методологических изъянов, отмеченных делегацией оратора. Специальный докладчик почти

не приводит доказательств наличия практики государств, которая бы обосновала тезис о возможности пренебречь обязательствами по Уставу Организации Объединенных Наций, предписывающему подчиняться обязательным решениям Совета Безопасности, путем односторонних заявлений о недействительности договора по причине его противоречия *jus cogens*. Этот проект вывода может привести к необоснованным сомнениям в обязательном характере резолюций Совета Безопасности, что отрицательно скажется на их осуществлении и на эффективном функционировании системы коллективной безопасности, предусмотренной Уставом. Это не умозрительная проблема, и не в последнюю очередь потому, что однозначный консенсус относительно того, какие нормы имеют статус *jus cogens*, не достигнут.

33. Делегация оратора с удовлетворением отмечает, что два других вызывающих схожие опасения проекта выводов, предложенных Специальным докладчиком, — проекты выводов 22 и 23 — не будут рассматриваться редакционным комитетом и будут заменены одной клаузулой «без ущерба». В свете отсутствия ясности относительно того, какие нормы имеют статус *jus cogens*, особенно сомнительной представляется идея о неприменимости иммунитета в отношении нарушений норм *jus cogens*. Если это предложение будет принято, для отмены иммунитета достаточно будет лишь обвинения в совершении преступления, которому, по всей видимости, нельзя будет противопоставить процессуальные защиты. Кроме того, вопрос о неприменимости иммунитета от национальной юрисдикции при совершении определенных преступлений уже обсуждался в рамках темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции». Обсуждение этого вопроса следует ограничить рамками указанной темы.

34. Соединенные Штаты сомневаются в целесообразности обсуждения «региональных норм *jus cogens*» и соглашаются с другими делегациями в том, что это понятие противоречит представлению о нормах *jus cogens* как о нормах, которые «принимаются и признаются международным сообществом государств в целом».

35. Делегация оратора приняла к сведению принятые в первом чтении проекты руководящих принципов, касающихся охраны атмосферы, однако, как уже отмечалось ранее, многие аспекты этой темы представляются спорными. Соединенные Штаты представят соответствующие комментарии и наблюдения к установленному Комиссией сроку.

36. Что касается темы «Временное применение договора», делегация оратора приняла к сведению проекты принципов с комментариями, озаглавленные «Руководство по временному применению договоров», принятые Комиссией в первом чтении. Ввиду того, что Специальный докладчик намеревается продолжать работу над темой в ходе семьдесят первой сессии Комиссии и итогом этой работы может стать принятие типовых положений, оратор интересуется, будет ли государствам предоставлено достаточно времени для подготовки комментариев к типовым положениям до начала второго чтения. Особый интерес у Соединенных Штатов вызывает вопрос о том, в какой степени проект Руководства и комментарии точно отражают существующую практику государств.

37. Обращаясь к теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», оратор говорит, что Соединенные Штаты вновь подтверждают общее согласие с подходом Комиссии вопросу об иммунитете *ratione personae*. Соединенные Штаты согласны с тем, что главы государств, главы правительств и министры иностранных дел имеют иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции, пока они занимают этот пост. В связи с рассмотрением Специальным докладчиком в ее шестом докладе (A/CN.4/722) процессуальных вопросов, касающихся лиц, имеющих иммунитет *ratione personae*, Соединенные Штаты отмечают в целом, что ее заключения не затрагивают каких-либо серьезных проблем. Напротив, как Соединенные Штаты уже отмечали в 2017 году, выбранный Специальным докладчиком подход к иммунитету *ratione materiae*, нашедший применение не только в этом, но и в пятом докладе (A/CN.4/701), не отражает никакое устоявшееся обычное международное право. Сложно делать обобщенные выводы на основе практики государств, отчасти в силу незначительности общедоступных сведений о практике государств и *opinio juris* и в силу непростого характера решений, на принятие которых влияют дискреционные полномочия стороны обвинения.

38. Категорические заявления Комиссии об иммунитете *ratione materiae* нельзя назвать основанными на обычном международном праве. В частности, делегация оратора не согласна с тем, что проект статьи 7, включенный в состав проект статей, в предварительном порядке одобренных Комиссией на ее шестьдесят девятой сессии, был основан на какой-либо четкой тенденции, прослеживающейся в практике государств. Делегация также отмечает, что принятие именно этого проекта статьи протекало в нестандартных условиях: статья принималась

голосованием, а не на основе консенсуса, как обычно происходит в Комиссии. Разумеется, Соединенные Штаты согласны с тем, что преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление апартеида, пытка и насильственное исчезновение относятся к тяжким преступлениям и виновные в них должны нести наказание, однако они не считают правильным принятие проекта статьи Комиссией в предварительном порядке, учитывая многочисленные серьезные опасения, высказанные как членами Комиссии, так и теми, кто в нее не входит. Проект статьи противоречит мнению о том, что понятие иммунитета скорее носит процессуальный характер, чем относится к вопросам существа, и что иммунитет имеет силу независимо от тяжести предполагаемого правонарушения. Проект статьи создаст ложное впечатление о том, что исключения достаточно укоренились в практике государств, для того чтобы привести к формированию обычного международного права; это не соответствует действительности.

39. Что касается процессуальных аспектов иммунитета, затронутых в шестом докладе Специального докладчика ([A/CN.4/722](#)), Соединенные Штаты отмечают, что, ввиду различий уголовного судопроизводства разных стран, Комиссии следует проявлять осмотрительность при попытках сформулировать общее правило, касающееся временных рамок таких процедур. В своем докладе Специальный докладчик утверждает, что в отношении некоторых действий государств, связанных с вступлением в силу иммунитета, «нельзя» найти международные нормы — договорные или обычные. И в то же время предпринимает попытку определить строгие правила относительно действия иммунитета в таких случаях. Специальный докладчик также не приводит никаких доводов, почерпнутых в международном праве или практике государств, в подтверждение заявления о том, что, «когда задержание является чисто исполнительным актом, который совершается вне рамок осуществления уголовной юрисдикции судом государства суда, правила, касающиеся иммунитета, не применяются». Так, в Соединенных Штатах исполнительная ветвь государственной власти действует независимо от судебной, и осуществление уголовной юрисдикции не может считаться «чисто исполнительным актом». Таким образом, будет неблагоприятным делать обобщенные выводы в областях, в которых отсутствует ясность в отношении практики государств и имеется недостаточно утвержденных *opinio juris*, а также для которых характерно многообразие национальных систем соответствующего уголовного права.

40. В связи с установлением иммунитета Соединенные Штаты вновь обращают внимание на риск, связанный с подготовкой обобщенных выводов на основе того, что Специальный докладчик, по всей видимости, относит к многообразной практике государств. Практика государств не является последовательной, не позволяя получить выводы универсального характера как в том, что касается характеристик государственного ведомства, которому поручено принимать решения по иммунитету, так и в том, какие аналитические этапы предшествуют таким решениям. В этой связи в докладе утверждается, что в Соединенных Штатах вопросами установления иммунитета может заниматься исполнительная ветвь власти путем формулировки «предположения об иммунитете», которая имеет для судебной системы обязательную силу. Следует отметить, что описанная в докладе практика относится только к гражданским делам, но не к уголовным процессам, в связи с которыми исполнительная ветвь власти может принимать решения относительно иммунитета в рамках дискреционных полномочий обвинения. Кроме того, в докладе не поясняется, все ли государства используют один и тот же подход к определению понятия «в официальном качестве», в связи с чем и в этом случае предпочтительно воздержаться от формулировки выводов в сфере, где пока еще не сформировалась последовательная практика государств. Возможно, будет разумным не сосредоточиваться на внутренних процедурах, которые в уголовном праве различных государств могут иметь существенные отличия, а рассматривать соответствующие международные нормы и учитывать необходимость последовательного применения принципов иммунитета всеми государственными органами.

41. Что касается темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», крайне важно, что в проектах принципов, предложенных Специальным докладчиком в рамках этой темы, и комментариях к ним, учтен тот факт, что в ситуации вооруженного конфликта международное гуманитарное право приобретает статус *lex specialis*. Степень применения в ходе вооруженного конфликта норм других сводов закона должна определяться в каждом конкретном случае. В то время как делегация оратора с удовлетворением отмечает признание этого факта Специальным докладчиком, она также считает, что роль международного гуманитарного права как *lex specialis* следует более четко подтвердить в проектах принципов и комментариях к ним.

42. Как уже отмечалось, делегация Соединенных Штатов по-прежнему обеспокоена тем, что Комиссия не является подходящим форумом для

рассмотрения вопроса о том, отражают ли определенные положения международного гуманитарного права нормы международного обычного права. Для рассмотрения этого вопроса потребуются провести тщательный и обширный анализ практики государств, который должен сопровождаться *opinio juris*. Делегация Соединенных Штатов также обеспокоена тем, что несколько проектов принципов сформулированы таким образом, что выражают долженствование и диктуют государствам, как им следует или должно поступать. Использовать такие формулировки допустимо только в прочно укоренившихся нормах, которые представляют собой *lex lata*. Несколько проектов принципов выходят далеко за рамки существующих правовых требований, а значит, долженствование в данном случае неприемлемо: проект принципа 8 вводит существенные правовые обязательства в связи с участием в миротворческих операциях, а проект принципа 16 расширяет установленные Конвенцией о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия обязательства по обозначению, разминированию, ликвидации или уничтожению взрывоопасных пережитков войны, добавляя «токсичные и опасные» пережитки войны. В своем комментарии Комиссия, по всей видимости, признаёт, что принцип расширяет существующие правовые требования, отмечая, что «[п]роjekt принципа 16 нацелен на усиление защиты окружающей среды в постконфликтный период». Комиссия также справедливо отмечает, что «[т]ермин „токсичные пережитки войны“ не имеет определения в международном праве». Делегация оратора также обеспокоена тем, что проекты принципов, применимых в ситуациях оккупации, выходят за рамки норм, регулирующих режим оккупации.

43. И в заключение оратор отмечает, что делегация ее страны не уверена в том, что тема «Правопреемство государств в отношении ответственности государств» получит широкую поддержку или вызовет интерес у государств, ввиду того, что Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров и Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов были ратифицированы незначительным числом государств. Комиссией затронуты сложные вопросы, требующие тщательного рассмотрения государствами по мере того, как Специальный докладчик продолжает работу над проектами статей.

44. **Г-жа Эгмонд** (Нидерланды), обращаясь к теме «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами» и проектам принципов,

применимых в ситуациях оккупации, предложенных Специальным докладчиком в ее первом докладе (A/CN.4/720 и A/CN.4/720/Corr.1), говорит, что делегация ее страны согласна со Специальным докладчиком в том, что нормы, регулирующие режим оккупации, должны быть рассмотрены в четвертой части проектов принципов, и поддерживает предложение членов Комиссии, касающееся дополнения раздела отдельным проектом принципа, в котором бы говорилось о том, что положения первой, второй и третьей частей применяются *mutatis mutandis* в ситуациях оккупации.

45. Что касается проекта принципа 19, правительство страны оратора согласно со Специальным докладчиком в том, что прогрессивное толкование статьи 43 Положения, приложенного к IV Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны (Гаагское положение), особенно если учесть французскую версию текста и тот факт, что защита окружающей среды относится к основным функциям современного государства, будет охватывать защиту окружающей среды. Делегация Нидерландов с удовлетворением отмечает включение в вариант проекта статьи, одобренного в предварительном порядке редакционным комитетом, положений статьи 64 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (четвертой Женевской конвенции), касающихся уголовного законодательства. Делегация оратора одобряет включение в пункт 2 проекта принципа 19 упоминания о нанесении ущерба здоровью. Делегация Нидерландов согласна с членами Комиссии, просившими Специального докладчика расширить сферу анализа и рассмотреть и другие права человека, такие как право на жизнь, право на воду и право на питание, однако предостерегает от потери контроля над областью анализа.

46. Обращаясь к проекту принципа 20, оратор говорит, что делегация ее страны согласна со Специальным докладчиком в том, что, в отношении защиты окружающей среды, современное толкование термина «пользовление», упоминаемого в статье 55 Гаагского положения, будет включать «устойчивую разработку» природных ресурсов. Должен быть соблюден баланс между ущербом, причиненным, к примеру, в результате разработки невозобновляемых ресурсов, и нуждами общества и будущих поколений в области разработки природных ресурсов и использования экосистемных услуг. Нидерланды напоминают о наблюдениях Комиссии, касающихся принципа справедливости по отношению к будущим поколениям в связи с разработкой невозобновляемых природных ресурсов, реализация которого позволит

добиться максимальной выгоды от разработки в долгосрочной перспективе. Предложенный редакционным комитетом вариант проекта принципа, содержащийся в документе [A/73/10](#), представляется доработанным, поскольку указывает на то, что оккупирующее государство вправе разрабатывать природные ресурсы и управлять ими только при соблюдении определенных условий. Что касается проекта принципа 21, то делегация оратора поддерживает дополнение текста, одобренного в предварительном порядке редакционным комитетом, положением о должной осмотрительности.

47. Нидерланды согласны со Специальным докладчиком в том, что в проектах принципов, касающихся оккупации, не должны рассматриваться вопросы международного управления территорией. Присутствие миссии Организации Объединенных Наций вряд ли можно признать соответствующим критерию несогласованного присутствия, а практических примеров интерпретации правовых норм, регулирующих режим оккупации, таким образом, чтобы они имели комплементарный характер по отношению к мандату, основанному на резолюциях Совета Безопасности, найдется немного. Что касается будущей работы, делегация Нидерландов одобряет предложение Специального докладчика о рассмотрении вопросов, касающихся непосредственно вооруженных конфликтов немеждународного характера — преобладающего вида конфликтов наших дней.

48. Обращаясь к теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», оратор говорит, что обсуждения, прошедшие в Комиссии и среди государств в Шестом комитете, показали, что консенсус по вопросу об ограничениях и исключениях из иммунитета пока не достигнут. К сожалению, Комиссия, обделив вниманием имеющиеся основополагающие вопросы, приняла решение перейти к рассмотрению процессуальных аспектов, касающихся компетенции и формы. Однако некоторые аспекты, такие как голосование, хотя и заслуживают внимания, должны обсуждаться в общем плане, а не в контексте данной темы. Делегация оратора рассчитывает на скорое достижение консенсуса относительно проекта статьи 7, касающегося ограничений и исключений из иммунитета *ratione materiae*.

49. Нидерланды вновь озвучивают свою позицию, которая заключается в том, что было бы желательно воздержаться от определения преступлений или составления перечня преступлений, дающих основания для ограничений или исключений из иммунитета. Ссылка на «преступления по международному праву» позволит избежать ненужной полемики и

продолжить работу над темой. Точно такого же подхода Нидерланды придерживались в своем внутреннем законе «О международных преступлениях». Ее правительство также вновь обращает внимание на то, что иммунитет *ratione materiae* не может действовать в отношении всех деяний должностного лица государства. Очевидно, что эта форма иммунитета не распространяется на международные преступления.

50. Комиссии следует проводить более четкую границу между вопросом о том, что подразумевается под осуществлением юрисдикции, и когда следует рассматривать вопрос о применении иммунитета. Рассматриваемая Комиссией проблема ограничивается уголовной юрисдикцией, то есть в сферу ее работы не входят другие формы юрисдикции, например административная, что, тем не менее, не касается действий других правоохранительных органов, таких как прокуратура и полиция. Вопросы о применимости иммунитета могут и будут рассматриваться указанными органами, а в результате проведенного ими анализа применимости иммунитета дело вполне может не дойти до суда. Действия правоохранительных органов входят в понятие «осуществление юрисдикции».

51. В судебной системе Нидерландов суды обязаны рассматривать вопрос об иммунитете *ex officio*, а иностранному государству не требуется заявлять об иммунитете для его применения. В то же время Нидерланды признают, что иностранный суд не обязан «слепо принимать любое» заявление о наличии иммунитета у иностранного должностного лица и в действительности может признать такое заявление ничтожным. В конечном счете добросовестное заявление об иммунитете должно быть рассмотрено со всем подобающим тщанием. Но в то же время добросовестному уголовному разбирательству в отношении иностранного должностного лица не следует чинить препятствий, необоснованно клеймя его политически мотивированным.

52. Делегация Нидерландов с удовлетворением отмечает, что Специальный докладчик обращает особое внимание на разграничение понятий неприкосновенности и иммунитета, которое слишком часто оставляют без внимания. Делегация оратора поддерживает позицию, согласно которой лица, пользующиеся иммунитетом *ratione materiae*, не пользуются неприкосновенностью. Иммунитет предоставляется должностным лицам, действующим в официальном качестве, и связан с вопросом о том, могут ли такие действия подпадать под уголовную юрисдикцию. Иммунитет не предоставляется частным лицам как таковым. Нидерланды будут и впредь отклонять все

повестки иностранных судов, адресованные лицам, пользующимся иммунитетом *ratione personae*. Так, Нидерланды отклонили повестку иностранного суда на имя главы государства, несмотря на то, что она не была связана с осуществлением уголовной юрисдикции. Нидерланды сочли, что неприкосновенность главы государства и предоставленный ему иммунитет делают невозможным явку в суд, особенно когда речь идет о повестке, сопровождающейся угрозой привлечения к ответственности за неисполнение распоряжений суда в случае неявки. Нидерланды принципиально не возражают против не имеющих обязательной силы приглашений дать показания, адресованных главе государства, но одобрение подобной просьбы крайне маловероятно.

53. Что касается требований о предоставлении документов и мер пресечения, связанных, к примеру, с паспортами, вопрос заключается в том, являются ли требуемые предметы (документы, паспорта) государственной собственностью, используемой в государственных, некоммерческих целях. Под это определение очевидно подпадают паспорта, которые, как правило, являются собственностью не гражданина, но выдавшего этот документ государства. Этот вопрос затрагивался Специальным докладчиком, но заслуживает большего внимания. Специальный докладчик в своем докладе утверждает, что нельзя найти ни нормы, специально применимые к таким мерам, ни даже практику государств.

54. Нидерланды считают, что, во всяком случае в отношении государственной собственности, действуют четкие правила, касающиеся иммунитета, которые могут оказаться соответствующими цели темы. Как закреплено положениями Конвенции Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года, принадлежащая государству собственность, используемая в государственных некоммерческих целях, обладает иммунитетом от принудительных мер до и после вынесения судебного решения, который не имеет силы, если собственность использовалась в иных целях. Схожие четкие правила, касающиеся иммунитета, применимого к имуществу, принадлежащему должностным лицам государства, предусмотрены конвенциями об иммунитете должностных лиц государства, такими как Венская конвенция о дипломатических сношениях, Венская конвенция о консульских сношениях и Конвенция о специальных миссиях. Что касается предложения некоторых членов Комиссии разъяснить, какая существует связь между иммунитетом и ответственностью государства, правительство оратора подчеркивает, что наличие иммунитета не должно приводить

к безнаказанности и что государство должностного лица обязано сотрудничать с органами юстиции и принимать на себя ответственность за международно-противоправные деяния его органов.

55. Г-н Бручич-Матич (Хорватия) говорит, что тема «Правопреемство государств в отношении ответственности государств» имеет огромное значение для его страны, пострадавшей в 1990 году в результате распада государства-предшественника от жестокой агрессии и массовых разрушений, затронувших значительную часть ее территории. Второй доклад Специального докладчика (A/CN.4/719) и предложенные ею проекты статей внесут ценный вклад в разъяснение этой важной темы.

56. Обращаясь к проекту статьи 11 («Разделение государства»), оратор говорит, что, как верно отмечает Специальный докладчик, при определении, к какому государству переходят обязательства, вытекающие из совершения международно-противоправного деяния государства-предшественника, следует учитывать и территориальную связь, и преобразование органов государства-предшественника в органы одного из государств-преемников. Оба указанных фактора должны быть эксплицитно упомянуты в статье. В своем решении по делу *О применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него («Хорватия против Сербии»)* Международный Суд, как представляется, признал, что элемент преобразования органов государства-предшественника в органы государства-преемника учитывается при установлении его юрисдикции. Рассматривая вопрос о своей собственной юрисдикции, Суд фактически установил, что положения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него применяются к Сербии не ретроспективно, а, несмотря на то, что на тот момент Сербия не являлась стороной Конвенции, на основании предполагаемого нарушения Конвенции; присвоения нарушения Социалистической Федеративной Республике Югославии, которая являлась участницей Конвенции; ответственности, «унаследованной» Союзной Республикой Югославией от Социалистической Федеративной Республики Югославии в результате преобразования органов СФРЮ в органы СРЮ и передаче Сербии ответственности Союзной Республики Югославии, вследствие чего Сербия потенциально может нести ответственность за нарушение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

57. Признав свою юрисдикцию, Суд также признал, что преобразование органов государства-предшественника в органы государства-преемника может быть основанием для установления правопреемства

в отношении ответственности государств, однако, приняв отрицательное решение по первому вопросу, отнесенному к его юрисдикции, — действительно ли события, описанные Хорватией, имели место, и являются ли они нарушением Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, — не рассматривал этот вопрос. Как можно удостовериться на примере вышеописанного дела, в ходе анализа различных форм правопреемства государств в отношении ответственности государств следует уделять внимание случаям, в которых какая-либо часть или части государства-предшественника, ставшие государством-преемником, потенциально несут ответственность за международно-противоправные деяния не только в отношении третьих государств, но и в отношении других государств-преемников, возникших на месте государства-предшественника.

58. Обращаясь к теме «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)» и к проектам выводов, предложенным Специальным докладчиком, оратор говорит, что в пункте 1 проекта вывода 10 и пункте 1 проекта вывода 11 по сути говорится одними и теми же словами об одном и том же, в связи с чем их можно объединить. Делегация оратора вновь выражает поддержку предложению о создании иллюстративного перечня норм *jus cogens* и рассчитывает найти в очередном докладе Специального докладчика предложение относительно дальнейшей работы над этим вопросом.

59. Хорватия с особым удовлетворением отмечает решение Комиссии включить в долгосрочную программу работы тему «Универсальная уголовная юрисдикция». Хорватия неоднократно представляла свои замечания по этому важному вопросу, но хотела бы отдельно отметить, что универсальная юрисдикция относится к исключительным основаниям для юрисдикции; универсальная юрисдикция осуществляется только тогда, когда государство, обладающее юрисдикцией на основании принципов территориальности, активной правосубъектности и пассивной правосубъектности, не может или не желает действовать. В то же время Хорватия предостерегает от неверного толкования понятия территориальной юрисдикции путем изменения ее пространственного (региональная вместо универсальной) и временного (*a priori* вместо *a posteriori*) компонента, что может стать причиной вопиющих нарушений суверенитета государств.

60. Делегация оратора рассчитывает, что результатом работы Комиссии над данной темой станут руководящие положения или выводы, имеющие практическую пользу для государств.

61. Г-н Хименес Пьернас (Испания), обращаясь к теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции» и к проектам статей, одобренным в предварительном порядке Комиссией, отмечает в связи с обсуждением проекта статьи 7, что Испания поддерживает предложение о создании системы ограничений и исключений из иммунитета *ratione materiae*. Даже несмотря на то, что проект статьи в основном представляет собой прогрессивное развитие международного права, должностные лица иностранных государств, срок полномочий которых закончился, не должны иметь возможности потребовать применения иммунитета *ratione materiae* в случаях наиболее тяжких преступлений, квалифицированных международным правом, в частности тех, что перечислены в проекте статьи 7, а именно: преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление апартеида, пытка и насильственное исчезновение. Все эти деяния должным образом квалифицированы как преступления в ряде международных договоров, часть из которых имеет статус норм *jus cogens*. Следовательно, Комиссии, в рамках ее работы над кодификацией и прогрессивным развитием международного права, следует принять текст, содержащий предложение относительно сферы действия проекта статьи 7, с тем чтобы поддержать борьбу с безнаказанностью за подобные преступления по международному праву.

62. Что касается процессуальных аспектов данного вопроса, суд обязан приступить к рассмотрению вопроса об иммунитете от юрисдикции безотлагательно, в начале уголовного процесса и до принятия в отношении должностного лица каких-либо имеющих обязательную силу мер, способных воспрепятствовать исполнению его должностных обязанностей; в любом случае вопрос об иммунитете должен рассматриваться до принятия какого-либо решения или вынесения постановления по существу дела и без ущерба для осуществления судом разбирательства, при условии что суд ограничивается установлением фактов, не принимая никаких принудительных мер.

63. Иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции следует признать в отношении трех категорий действий, на которые ссылается в своем шестом докладе Специальный докладчик ([A/CN.4/722](#)) и которые в широком смысле относятся к понятию осуществления юрисдикции органами власти государства суда: задержание, явка в качестве свидетеля и меры пресечения. Что касается задержания, действующие главы иностранных государств, главы правительства и министры иностранных дел, согласно

международному праву, пользуются неприкосновенностью. Они также освобождены от обязанности являться в суд государства суда в качестве свидетелей. В этой связи местные суды также должны применять правило иммунитета от юрисдикции и отказываться от применения в отношении граждан или имущества мер пресечения. При других обстоятельствах, особенно когда речь идет о других должностных лицах иностранных государств, не имеющих четких оснований для требования о неприкосновенности, также важно не допустить отрицательного воздействия на исполнение ими должностных обязанностей, особенно когда речь идет об иммунитете *ratione materiae*.

64. Рассматривая процессуальные вопросы, следует также изучить применение существующих механизмов правового сотрудничества и взаимной правовой помощи, поскольку с их помощью можно добиться баланса между соблюдением принципа суверенитета и борьбой с безнаказанностью. В стране, где государственное управление опирается на верховенство права, как, например, в Испании, вопросы применения международных правил, касающихся иммунитета иностранных должностных лиц от уголовной юрисдикции, находятся в ведении национальных судов, действующих на основе принципа разделения властей. Должны быть соблюдены правовые и процессуальные гарантии, предусмотренные испанской правовой системой, особенно те, что касаются защиты прав человека, принадлежащих каждому гражданину, участвующему в судебном процессе, рассматриваемом национальным судом.

65. Испания вновь выражает поддержку завершению работы над вопросами иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции и принятию текста, который придаст озвученным в рамках темы предложениям нормативный характер в интересах конечной цели — обеспечения более высокой степени правовой определенности. Достичь этой цели вполне реально.

66. **Г-жа О'Салливан** (Ирландия), выступая на тему «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», говорит, что, насколько понимает делегация ее страны, ввиду того что в шестом докладе Специальным докладчиком не были предложены проекты статей, обсуждение, которое состоялось в ходе семидесятой сессии Комиссии, носило предварительный характер и будет продолжено на семьдесят первой сессии. Учитывая это обстоятельство, представляя замечания относительно некоторых предварительных выводов Специального докладчика, делегация оратора

подразумевает, что в 2019 году будет возможно провести более полный анализ этих аспектов иммунитета.

67. Вместе с тем делегация Ирландии поддерживает рассмотрение двойственных компонентов процессуальных аспектов иммунитета, таких как момент времени, в который следует рассматривать вопрос об иммунитете, отказ от иммунитета и процессуальные гарантии, в том числе в контексте проекта статьи 7, принятой Комиссией в предварительном порядке. Было бы полезным провести анализ гарантий надлежащей правовой процедуры и других гарантий, предусмотренных международными нормами и стандартами в области прав человека, как и гарантий, цель которых состоит в охране стабильности международных отношений и недопущении неправомерного или политически мотивированного преследования. Как отмечалось ранее, делегация Ирландии хотела бы получить рекомендации Комиссии относительно тех аспектов проектов статей, которые представляют собой кодификацию существующего международного права и тех, что отражают его прогрессивное развитие.

68. Делегация оратора согласна с мнением о том, что процессуальные положения и гарантии относятся к проектам статей в целом. Комиссия могла бы представить ценные рекомендации по вопросу о моменте времени, в который следует рассматривать вопрос об иммунитете. Общеизвестно, что вопрос об установлении иммунитета должностного лица государства от иностранной уголовной юрисдикции следует рассматривать *limine litis*. Однако более подробное рассмотрение этого вопроса Специальным докладчиком и Комиссией было бы полезным.

69. Специальный докладчик отнесла задержание, явку в качестве свидетеля и меры пресечения к действиям государства суда, в отношении которых может действовать иммунитет. Делегация оратора отмечает тот факт, что Специальный докладчик и Комиссия изучили влияние неприкосновенности на иммунитет и, в частности, различия между иммунитетом *ratione personae* и иммунитетом *ratione materiae*, которые обсуждались в этой связи. Обсуждение в ходе пленарного заседания различий между уголовным разбирательством в целом и конкретным уголовным процессом с точки зрения иммунитета представляется интересным. Эти вопросы заслуживают более подробного рассмотрения в очередном докладе Специального докладчика.

70. Ирландия принимает к сведению план будущей работы, предложенной Специальным докладчиком и поддержанный членами Комиссии, с тем чтобы

завершить рассмотрение проектов статей в первом чтении в ходе семьдесят первой сессии. Однако у государств не будет возможности представить свои комментарии по всем проектам статей до запланированного первого чтения в 2019 году, посвященного всему перечню проектов статей. Принимая во внимание важность вопроса об иммунитете для международных отношений, этой теме следует уделить достаточно времени для ее полноценного рассмотрения.

71. *Г-жа Понсе (Филиппины) занимает место Председателя.*

72. **Г-н Адамов** (Беларусь), касаясь темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», говорит, что необходимо устранить противоречия между проектами принципов и действующими нормами международного права, в частности международного гуманитарного права, как в плане используемой терминологии, так и в плане принципиального подхода. Делегация оратора одобряет подход, в соответствии с которым ключевые аспекты международного гуманитарного права уточняются и развиваются с учетом интересов защиты окружающей среды. Основной фокус документа должен быть сосредоточен на охране окружающей среды в ситуации вооруженного конфликта, а не на влиянии вооруженного конфликта на правовое регулирование охраны окружающей среды. Углубленное исследование принципов международного экологического права будет контрпродуктивным.

73. Комиссии следует также пересмотреть сферу охвата проектов принципов, которые не должны затрагивать вооруженные конфликты немеждународного характера. Законодательство государства, включая экологические нормы, продолжает действовать даже на территориях, временно неподконтрольных государству. Невозможность обеспечения государством соблюдения своего законодательства может служить в качестве основания, освобождающего государство от ответственности, как недавно показали решения Европейского суда по правам человека, но не в качестве признания иных участников конфликта субъектами международного права. Область действия проектов принципов следует четко ограничить вооруженными конфликтами международного характера.

74. Обращаясь к проектам принципов, изложенным в первом докладе Специального докладчика (A/CN.4/720 и A/CN.4/720/Corr.1), оратор говорит, что, в том, что касается пункта 1 проекта принципа 4, неясно, о каких «других» мерах в нем идет речь. По мнению делегации оратора, законодательные,

административные и судебные меры являются исчерпывающим перечнем.

75. Пункт 2 проекта принципа 18 нуждается в доработке. Очевидно, что концепции национальной обороны и безопасности применимы исключительно к государствам. Однако международные организации несут обязательства защиты интересов своих государств-участников; например, им не разрешается передавать конфиденциальную информацию третьим сторонам. Основной целью документа является защита окружающей среды в ситуации вооруженного конфликта. Следует оценить, насколько урегулирование вопроса доступа к информации отвечает этой цели.

76. Что касается проектов принципов, принятых редакционным комитетом в предварительном порядке, делегация оратора предлагает в проекте принципа 19 учесть вероятность того, что законодательство (и в более широком смысле «правила») оккупирующего государства может носить более прогрессивный характер, чем законодательство оккупированной территории, и, соответственно, в большей степени способствовать обеспечению благосостояния населения оккупируемой территории. Обязательство соблюдать законодательство оккупированной территории может быть дополнено этими соображениями. Кроме того, данный проект принципа имеет не полную область действия: он не охватывает воздушное пространство оккупированной территории. Формулировку «природоохранные соображения» в пункте 1 необходимо уточнить. Пункт 2 следует исключить, поскольку он лишь является частным случаем принципа, изложенного в пункте 1.

77. Что касается применимости проектов принципов к миротворческим миссиям Организации Объединенных Наций, оптимальным вариантом является использование их текста при формулировании мандатов этих миссий, правил применения силы персоналом, а также модельных соглашений о статусе сил. Делегация оратора не уверена, что применение института «оккупирующей державы» оправдано в этом контексте.

78. Делегация оратора согласна со Специальным докладчиком в том, что применимость проектов принципов не должна быть увязана с правомерностью возникновения самого вооруженного конфликта. Любая другая интерпретация приведет к абсурдному выводу о том, что государство, неправомерно развязавшее вооруженный конфликт, освобождается от своих обязательств в отношении жертв агрессии. Комиссии также не следует чрезмерно фокусироваться на анализе прав человека, которые

могут быть затронуты в результате разрушения окружающей среды, ввиду крайне широкого перечня этих прав. Если Комиссией будет принято решение об указании конкретных прав, в комментарии следует указать источники этих прав.

79. Что касается проекта принципа 20, то делегация оратора поддерживает принцип устойчивого использования, однако в данном принципе следует также отразить и временный характер оккупации и, следовательно, презумпцию того, что действия оккупирующей державы не являются необратимыми. В связи с отсутствием механизмов оценки экологического ущерба, нанесенного в период вооруженных конфликтов, а также механизмов рассмотрения жалоб, Комиссии следует предусмотреть, хотя бы в общем порядке, механизмы возмещения экологического ущерба. Также необходимо дать рабочее определение термина «значительный ущерб», употребляемого в проекте принципа 21, предложенного Специальным докладчиком в ее первом докладе.

80. Касаясь темы «Правопреемство государств в отношении ответственности государств», делегация оратора отмечает, что данная тема отличается ограниченностью государственной практики и ее высокой обусловленностью историческим контекстом. Каждый случай правопреемства носит уникальный характер и является частью более широких политико-правовых процессов. Это усложняет работу Комиссии по выявлению общих норм и тенденций. Важно применять осмотнительный подход к формулированию презумпции наличия правопреемства в том случае, когда государство-предшественник прекратило свое существование. Важен учет комплекса факторов, включая обстоятельства прекращения государства-предшественника, и степень участия каждого из государств-правопреемников в управлении государством-предшественником и, соответственно, в совершении международно-противоправных деяний. Возможность выработки единого правила представляется маловероятной.

81. Делегация оратора разделяет высказанное в ходе обсуждения в Комиссии мнение о том, что ограничения сферы действия проекта статей по данной теме только ситуациями «правомерного» правопреемства может создать неправомерные преимущества для государств-правопреемников. Кроме того, правомерное правопреемство может сопровождаться международно-правовыми документами, оформляющими договоренности сторон. В этой ситуации проекты статей будут неприменимы.

82. Что касается необходимости обеспечения совместимости со статьями об ответственности

государств за международно-противоправные деяния, то делегация оратора считает, что, с точки зрения ответственности государства, ключевым вопросом является, сохранило ли свое существование государство-предшественник. Ввиду того, что территориальные изменения, в том числе сецессия части территории, не являются *ipso facto* основанием, исключаящим противоправность по смыслу статей об ответственности государств, существуют, по мнению делегации оратора, основания для презумпции отсутствия правопреемства ответственности в данной ситуации. Иными словами, если сохраняется государство-предшественник, сохраняется и его ответственность, если не имеются веские причины для предположения обратного. Вопрос о том, насколько данные ситуации подпадают под иные положения статей об ответственности государств — форс-мажор, бедствие, необходимость, — подлежит дополнительному изучению.

83. Делегация оратора не убеждена в подходе, положенном в основу проектов статей 7 и 9. Как представляется, деяния любого органа, даже с достаточно широкой степенью автономии, в силу статей об ответственности государств присваиваются собственному государству. Делегация оратора поддерживает формулировку пункта 1 проекта статьи 11, которую она понимает таким образом, что в отсутствие соглашения в какой-либо форме правопреемства ответственности не происходит. Делегация оратора считает, что понятие «движение национального освобождения» включено в понятие «повстанческое и другое движение», в особенности учитывая использование последнего в статьях об ответственности государств.

84. Делегация оратора поддерживает предложение об изменении темы на «Проблемы ответственности государств в ситуациях правопреемства государств». Что касается распространения сферы действия проекта статей на интересы других пострадавших в результате международно-противоправного деяния государства, делегация оратора исходит из того, что под пострадавшими понимаются субъекты международного права, поскольку речь в проекте статей идет о международной ответственности. Включение «диагонального» элемента в проект статей (правопреемство в отношении требований иностранных физических и юридических лиц) повлечет серьезное расширение темы.

85. Что касается темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», то оратор говорит, что, как уже отмечалось рядом делегаций, такой иммунитет является нормой обычного международного права. Она вытекает из

общепризнанных принципов международного права: суверенного равенства государств, а также не применения силы и угрозы силой.

86. Делегация оратора последовательно констатирует отсутствие нормы обычного международного права, закрепляющей исключение из иммунитета должностных лиц государства. По мнению делегации оратора, «ценности» сами по себе не влияют на сложившиеся нормы международного права: только после того, как «ценность» признается мировым сообществом в качестве общеобязательной и оформляется в качестве нормы международного права, будь то договорной либо обычной, возможна постановка вопроса о соотношении этой нормы с ранее сформированными. Это предположение получило поддержку в шестом докладе Специального докладчика (A/CN.4/722).

87. Ранее ряд делегаций подтвердили, что существует тенденция, оправдывающая проект статьи 7 как проявление прогрессивного развития; при этом делегации не приводят подтверждения наличия последовательной практики государства, воспринимаемой как *opinio juris*. С другой стороны, значительная группа государств утверждает, что международная практика не позволяет сделать вывод о существовании обычая или даже тенденции к ограничению или исключениям из иммунитета.

88. Всесторонний анализ практики государств по возможным исключениям из иммунитета должен включать не только рассмотрение ситуаций, поддерживающих имеющую место тенденцию к ограничению иммунитетов, но и ситуаций, опровергающих наличие этой тенденции. При этом в каждом примере требуется отражать не только позицию государства суда, но и позицию государства, в отношении должностного лица которого было возбуждено дело в иностранном суде.

89. Тот факт, что для одобрения в предварительном порядке проекта статьи Комиссия прибегла к проведению голосования, отражает отсутствие консенсуса среди членов Комиссии по этой чувствительной теме и осложняет занятие государствами какой-либо позиции по данной теме в Шестом комитете. Это является аргументом в пользу точки зрения об отсутствии соответствующей обычной нормы международного права. Таким образом, по мнению делегации оратора, единственной приемлемой возможностью урегулирования иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции является заключение международного договора. Даже если бы ряд государств в договоре согласились об изъятиях из иммунитетов, потребовались бы

серьезные гарантии в целях недопущения судебных преследований по политическим мотивам и случаев злоупотребления юрисдикцией.

90. Таким образом, тема изъятий из принципа иммунитета должна разрабатываться в тесной взаимосвязи с установлением конкретных процессуальных условий в целях обеспечения соблюдения всех процессуальных гарантий, которые защищают как государства, так и индивидуумов. Особое внимание следует уделить не столько вопросам соблюдения прав человека и процессуальных гарантий должностного лица, как и любого другого подсудимого, сколько гарантиям отсутствия злоупотреблений со стороны государства, претендующего на осуществление юрисдикции.

91. Делегация оратора сохраняет свою позицию в отношении необходимости доработки перечня преступлений по международному праву, в отношении которых не применяется иммунитет *ratione materiae*. Доклад Специального докладчика фиксирует различные позиции государств по вопросу о том, какие преступления должны быть включены в этот перечень. Несколько делегаций справедливо упомянули, что не существует никакого критерия, который оправдывал бы включение того или иного преступления.

92. В докладе Специального докладчика сделан справедливый вывод о том, что иммунитет не означает безответственность. По аналогии с нормами международного и национального права в сфере дипломатических представительств и консульских учреждений, а также специальных миссий вопрос об уголовной ответственности должностных лиц должен, в первую очередь, ставиться перед судами государства должностного лица. Более того, презумпция юрисдикции государства должностного лица должна быть закреплена в проекте статей в качестве одного из ключевых принципов.

93. Делегация оратора ожидает седьмого доклада для рассмотрения выводов Специального докладчика по вопросам сотрудничества и международной правовой помощи между государством суда и государством должностного лица; по вопросам гарантий справедливого судебного разбирательства, а также сотрудничества государств с международными уголовными трибуналами и его возможного воздействия на иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции. Как и ряд других членов Комиссии, делегация оратора скептически относится к целесообразности рассмотрения роли Международного уголовного суда. Римский статут является самостоятельным документом, касающимся исключительно

государств, которые являются его участниками, и в незначительной степени влияет на общие нормы международного права в данной области.

94. **Г-жа Ивар** (Таиланд), касаясь темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», говорит, что вопрос об ограничениях и исключениях из иммунитета является весьма деликатным, в связи с чем необходимо обеспечить баланс между всеми возможными аспектами, касающимися как государства суда, так и государства должностного лица, включая стабильность дружественных международных отношений, принцип суверенного равенства государств, соблюдение процессуальных гарантий и борьбу с безнаказанностью за совершение серьезных преступлений.

95. Что касается проекта статьи 7, в предварительном порядке принятого Комиссией на ее шестьдесят девятой сессии, Таиланд поддерживает вывод о том, что следует провести четкое различие между иммунитетом *ratione materiae* и иммунитетом *ratione personae* при принятии решения о том, будет ли применяться иммунитет, что, по мнению делегации оратора, должно происходить на начальной стадии судебного процесса; вывод о том, что ограничения и исключения из иммунитета применяются только к иммунитету *ratione materiae*; а также вывод о том, что работа над этой темой должна основываться на *lex lata*, практике государств и нормах международного обычного права. Дальнейшее обсуждение процессуальных аспектов, в том числе процессуальных гарантий, поможет обеспечить справедливое и эффективное применение проекта статьи 7. Оратор выражает надежду на то, что мнения, высказанные государствами в Шестом комитете, будут учтены в следующем докладе Специального докладчика.

96. **Г-жа Мудаллали** (Ливан), касаясь темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами» и проектов принципов, принятых редакционным комитетом в предварительном порядке, говорит, что важно обеспечить большую правовую ясность по этому крайне актуальному вопросу и заполнить связанные с ним правовые пробелы. Что касается пункта 2 проекта принципа 19 и проекта принципа 20, в обоих из которых используется выражение «население оккупированной территории», делегация оратора предлагает заменить эту формулировку формулировкой «находящееся под защитой население оккупированной территории» или «находящиеся под защитой лица из оккупированной территории» в целях обеспечения соответствия текста формулировкам статьи 4 четвертой Женевской конвенции, в которой под находящимися под защитой лицами понимаются «лица, которые в какой-либо

момент и каким-либо образом находятся в случае конфликта или оккупации во власти стороны, находящейся в конфликте, или оккупирующей державы, гражданами которой они не являются».

97. Что касается проекта принципа 4, изложенного в первом докладе Специального докладчика ([A/CN.4/720](#) и [A/CN.4/720/Corr.1](#)), делегация оратора согласна с мнением Комиссии о важности того, чтобы знакомить с правом вооруженных конфликтов личный состав вооруженных сил и, по мере возможности, также гражданское население, поскольку это способствует соблюдению государствами норм международного права, касающихся защиты окружающей среды. Обязательство проводить «обзор вооружений», закрепленное в статье 36 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года, также имеет огромное значение.

98. Делегация оратора приветствует намерение Специального докладчика рассмотреть вопросы, касающиеся правовой и материальной ответственности за экологический вред в связи с вооруженными конфликтами, в ее следующем докладе, где она могла бы также рассмотреть вопрос о возмещении и, в особенности, реституции (по возможности) в случае международно-противоправных деяний, повлекших нанесение ущерба окружающей среде, в соответствии со статьей 31 статей об ответственности государств. Проекты принципов, касающихся этого вопроса, можно изложить в отдельной части (части пятой), хотя их также можно поместить либо в часть первую (Общие принципы), либо в часть третью (Принципы, применимые после вооруженных конфликтов).

99. **Г-н Риттнер** (Швейцария), касаясь темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», говорит, что международное гуманитарное право является основным источником, который следует надлежащим образом принимать во внимание при разработке новых особых режимов защиты. Защита окружающей среды во время вооруженных конфликтов должна быть более конкретной и проработанной для целей устранения пробелов, связанных с защитой окружающей среды, без изменения существующих норм международного гуманитарного права.

100. Касаясь проектов принципов, предложенных Специальным докладчиком в ее первом докладе ([A/CN.4/720](#) и [A/CN.4/720/Corr.1](#)), в особенности проектов принципов, регулирующих постконфликтные ситуации и, в частности, принципа о пережитках войны, оратор говорит, что было бы полезно дополнительно уточнить права и обязательства как

бывших сторон в конфликте, так и других акторов. Некоторые обязательства, в частности в отношении разминирования, ликвидации или уничтожения пережитков войны, могут применяться также к государствам в целом, особенно в том случае, если они пострадали, не обязательно являясь участниками самого конфликта.

101. Возможные взаимосвязи и совпадения между различными частями проектов принципов следует дополнительно уточнить, в частности между принципами, применимыми в период вооруженных конфликтов и в условиях оккупации, и принципами, применимыми после завершения вооруженного конфликта. Например, принципы, касающиеся восстановительных мер, могут быть актуальны не только после вооруженного конфликта, но и сразу после прекращения активных боевых действий.

102. Швейцария одобряет предложение по дальнейшему рассмотрению вопросов, связанных с защитой окружающей среды в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера, в частности в том случае, если обязательства и практика негосударственных вооруженных групп также принимаются во внимание. Швейцария будет приветствовать дальнейшее рассмотрение Специальным докладчиком значимости прав человека с точки зрения защиты окружающей среды и вопроса о целесообразности разработки общего положения, касающегося обязательств всех акторов в области прав человека. Швейцария также одобряет намерение Комиссии пересмотреть вопрос о том, какой из терминов — «окружающая среда» или «природная среда» — является предпочтительным. В некоторых случаях термин «природная среда» может иметь неоправданно ограничительный характер.

103. Переходя к теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», оратор говорит, что Швейцария подтверждает важность процессуальных аспектов иммунитета. Как было отмечено делегацией страны оратора в 2017 году, ряд методологических вопросов, таких как наличие иммунитета, задействование иммунитета, отказ от иммунитета и сроки, нуждаются в дальнейшем разъяснении. Соблюдение иммунитета должностных лиц государства, если и когда это применимо, имеет ключевое значение для предотвращения ненужной напряженности в международных отношениях и для поддержания суверенного равенства государств. Было бы желательно получить комментарии Комиссии по данным вопросам.

104. Делегация оратора исходит из того, что в своем седьмом докладе Специальный докладчик

рассмотрит процессуальные гарантии, касающиеся как государства должностного лица, так и соответствующего иностранного должностного лица. В рамках этих усилий было бы крайне важно не нарушить хрупкий баланс между соблюдением функционального и представительского иммунитета государственных должностных лиц и ведением борьбы с безнаказанностью за совершение серьезных преступлений по международному праву.

105. В проекте статьи 7, принятом Комиссией в предварительном порядке на ее шестьдесят девятой сессии, говорится о том, что иммунитет *ratione materiae* от осуществления иностранной уголовной юрисдикции не применяется в отношении преступления геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений, преступления апартеида, пыток и насильственных исчезновений. По мнению делегации оратора, крайне важным является то, чтобы статья об исключениях из функционального иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции либо прочно опиралась на практику государств и *opinio juris*, либо была признана в качестве прогрессивного развития права. Поскольку проекты статей Комиссии пользуются большим практическим авторитетом и часто истолковываются национальными судами как изложение права, важно, чтобы Комиссия более четко указала, отражает ли этот проект статьи существующие нормы международного обычного права или же прогрессивное развитие права. Комиссии следует либо предоставить больше данных, свидетельствующих о том, что этот проект статьи представляет собой норму международного обычного права, или четко указать, в какой степени он относится к сфере прогрессивного развития права.

106. **Г-жа Стресина** (Румыния), касаясь темы «Правопреемство государств в отношении ответственности государств», говорит, что скудость и разнообразие практики государств в этой области не способствуют кодификации или прогрессивному развитию права. Делегация оратора вновь заявляет о своем желании поддержать разработку новых норм права по данному вопросу, учитывая ограниченность его практического значения. Однако делегация может одобрить набор типовых положений для использования государствами в соглашениях о правопреемстве.

107. Что касается темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», Румыния соглашается с общим мнением о том, что международное гуманитарное право является *lex specialis* в этой области. Вместе с тем рассмотрение данной темы с точки зрения международного экологического права позволит государствам легче выявлять юридические

пробелы в ситуациях вооруженного конфликта. В этой связи следует напомнить, что в своем консультативном заключении по делу *О законности угрозы ядерным оружием или его применения* Международный Суд пришел к выводу о том, что международное гуманитарное право не действует в ущерб всем другим нормам и принципам права в ходе вооруженного конфликта.

108. Делегация оратора приветствует намерение Специального докладчика рассмотреть в своем следующем докладе вопросы, касающиеся защиты окружающей среды в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера. Обязанности негосударственных акторов также следует учитывать. С учетом того, что вопрос о правовой и материальной ответственности также является одним из ключевых вопросов в области защиты окружающей среды, было бы полезно представить более подробную информацию о значении принципа предосторожности и принципа «загрязнитель платит» для рассматриваемой темы, поскольку вооруженные конфликты могут нанести трансграничный ущерб окружающей среде. Таким образом, в том, чтобы прояснить вопрос об ответственности, заинтересовано не только оккупированное государство, но и другие затронутые государства и международное сообщество в целом.

109. Что касается темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», оратор говорит, что, учитывая состоявшиеся на сессии 2017 года активные дебаты об ограничениях и исключениях из иммунитета и по поводу проекта статьи 7, принятого Комиссией в предварительном порядке, включение резюме этих обсуждений в шестой доклад Специального докладчика (A/CN.4/722) было хорошим способом оформления результатов рассмотрения процессуальных аспектов иммунитета. Делегация оратора вновь подтверждает свое мнение о том, что разъяснение процессуальных последствий для иммунитета и установление процессуальных гарантий для государства должностного лица может помочь развеять опасения по поводу политизации и злоупотреблений при осуществлении юрисдикции, в том числе с учетом справедливой и эффективной имплементации проекта статьи 7.

110. Хотя иммунитет должностных лиц государства закреплен в принципе суверенного равенства государств, при применении данного принципа важно учитывать развитие материально-правовых норм международного уголовного права и международного права в области прав человека, в частности предпринимаемые усилия по недопущению

безнаказанности за серьезные преступления по международному праву. Нормы, касающиеся иммунитета должностных лиц государства, не следует считать противоречащими императивным нормам общего международного права (*jus cogens*). Нормы первого типа лишь закрепляют процессуальный механизм, призванный обеспечить стабильность международных отношений. Кроме того, эти нормы не должны освобождать кого бы то ни было от ответственности за серьезные нарушения и затрагивать цели борьбы с безнаказанностью за самые серьезные преступления. С этой точки зрения было бы полезно рассмотреть вопрос о целесообразности создания механизма связи между государством суда и государством должностного лица, с тем чтобы содействовать проведению расследований и осуществлению уголовного преследования со стороны иностранного государства.

111. Делегация оратора приветствует то внимание, которое уделяется в докладе сохранению методологических различий между иммунитетом *ratione personae* и иммунитетом *ratione materiae* при рассмотрении процессуальных норм. Что касается момента рассмотрения вопроса об иммунитете, Румыния поддерживает применяемый Специальным докладчиком и Комиссией подход, согласно которому данный вопрос должен быть разрешен на раннем этапе процесса, до принятия в отношении должностного лица государства обязывающих мер. Что касается этапа расследования, то делегация оратора поддерживает намерение Комиссии дополнительно изучить применимость этих норм в контексте национального законодательства и практики.

112. Анализ трех категорий действий, затрагиваемых иммунитетом, которые были определены Специальным докладчиком, является весьма полезным. Принудительность этих действий и, как следствие, создаваемые ими препятствия для осуществления официальных функций должностного лица являются достаточными индикаторами для определения сбалансированного способа действий. Комиссии следует продолжить изучение этой темы и рассмотреть в этом контексте вопрос о неприкосновенности. Делегация оратора согласна со Специальным докладчиком в том, что именно суды государства суда должны устанавливать наличие иммунитета, но при этом признаёт важную роль, которую играет исполнительная власть.

113. Наконец, хотя формирующаяся практика продемонстрировала влияние обязательства сотрудничать с международными уголовными судами на иммунитет должностных лиц государства, этот вопрос следует рассматривать в более широком контексте, в

сочетании с механизмами международного сотрудничества судебных органов и судебной помощи и международными ордерами на арест, регистрируемыми Международной организацией уголовной полиции (Интерпол). Однако такой анализ не должен выходить за пределы согласованного объема иммунитета должностных лиц государства от уголовной юрисдикции, учитывая при этом то, что проекты статей не затрагивают иммунитета от уголовной юрисдикции, предусмотренного специальными нормами международного права. Ввиду скудной практики государств Специальному докладчику и Комиссии следует проявить осторожность, с тем чтобы достичь надлежащего баланса между правом государства суда осуществлять свою юрисдикцию и правом государства должностного лица обеспечивать соблюдение иммунитета своих должностных лиц.

114. **Г-н Мусаев** (Азербайджан), касаясь темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», говорит, что положения, касающиеся оккупации, по сути, изложены в трех документах: в Гаагском положении, которое считается отражающим нормы обычного международного права; в четвертой Женевской конвенции; и в Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. В целом делегация оратора одобряет рассмотрение взаимосвязи между правом вооруженных конфликтов и другими отраслями международного права, в частности международным правом в области прав человека и международным экологическим правом. Вместе с тем делегация отмечает, что, как указывается в первом докладе Специального докладчика ([A/CN.4/720](#) и [A/CN.4/720/Corr.1](#)), «Комиссия не изменяет нормы права вооруженных конфликтов, не намеревается это делать и не имеет для этого возможностей».

115. Ситуации оккупации различаются по характеру и продолжительности, и при рассмотрении вопросов защиты окружающей среды и имущественных прав на оккупированной территории следует учитывать особенности оккупации, в частности в тех случаях, когда такая оккупация является следствием неправомерного применения силы, осуждаемого Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей. В международном праве предусмотрено, что территория не может быть приобретена силой. Запрет на применение силы в нарушение Устава Организации Объединенных Наций является императивной нормой международного права, признаваемой в качестве таковой международным сообществом государств в целом. Поэтому, хотя целью соответствующих норм, регулирующих режим оккупации, является обеспечение

выживания и благополучия гражданского населения, живущего в условиях оккупации, права и интересы людей, изгнанных с оккупированной территории и стремящихся вернуться в свои дома и к своему имуществу на этой территории, не следует игнорировать. Никакие права не могут осуществляться в нарушение прав других лиц. Это особенно актуально в отношении имущественных прав и защиты окружающей среды и природных ресурсов на оккупированной территории.

116. Оккупирующее государство не должно эксплуатировать ресурсы или иное имущество на оккупированной территории в интересах своей территории и своего населения, а также не должно способствовать продвижению интересов местных ставленников, действующих на оккупированной территории под фактическим политическим, военным и экономическим контролем оккупанта. Кроме того, не допускается эксплуатация природных ресурсов в целях покрытия связанных с оккупацией расходов, особенно в тех случаях, когда такая оккупация является следствием неправомерного применения силы. Государства должны иметь возможность осуществлять полный суверенитет над своими богатствами, природными ресурсами и экономической деятельностью, и принцип постоянного суверенитета над природными ресурсами продолжает применяться в ситуациях военной оккупации.

117. Делегация оратора не согласна с выраженным в докладе Специального докладчика мнением о том, что «с учетом общей тенденции развития норм международного права, относящихся к природным ресурсам, концепцию „сбережения капитала“, можно было бы приравнять к „устойчивой разработке природных ресурсов“». Такая точка зрения может быть неверно истолкована оккупантами в качестве предлога для обеспечения или усиления их территориальных притязаний и, соответственно, для продления оккупации. В некоторых ситуациях военной оккупации существует четкая связь между эксплуатацией и разграблением природных ресурсов и других богатств на оккупированной территории и неконструктивной позицией оккупирующих государств в процессах урегулирования конфликтов. Проект принципа 20 требует дополнительного разъяснения во избежание такого неверного толкования и злоупотреблений.

118. Ограничения, налагаемые на оккупанта международным правом, вытекают из временного характера оккупации. Оккупация не предоставляет оккупанту суверенитета над оккупированной территорией и не затрагивает правовой статус этой территории. Международное право запрещает действия,

основанные исключительно на военной мощи оккупирующего государства, а не на суверенных решениях оккупированного государства. Оккупант не вправе подвергать оккупированную территорию необратимым изменениям. В соответствии с международным гуманитарным правом местная правовая система должна быть сохранена во время оккупации. Статья 43 Гаагского положения создает мощную презумпцию против изменений в том, что касается отношений оккупанта с оккупированной территорией и ее населением, особенно по поводу сохранения существующей правовой системы, одновременно разрешая оккупанту «восстановить и обеспечить» общественный порядок и безопасность. Хотя баланс между этими двумя моментами не всегда ясен, особенно в случае длительной оккупации, оккупант не обладает свободой действий для изменения правовой и социальной структуры на рассматриваемой территории, и любая форма «постепенной аннексии» запрещается.

119. Презумпция в пользу сохранения существующего правопорядка особенно ощутима и дополняется положениями статьи 64 четвертой Женевской конвенции. Но это должно толковаться ограничительно, и разница между сохранением местных законов и созданием «положений», которые являются «существенно необходимыми», является четкой и существенной. Это означает не только то, что правовая система как таковая остается незатронутой, за исключением новых мер, которые сами не характеризуются как законы, но и то, что проверкой законности этих вводимых мер является тот факт, что они «существенно необходимы» для указанных целей.

120. Четвертая Женевская конвенция предусматривает непрерывное действие прав и обязанностей независимо от воли оккупирующего государства. Оккупант не может уходить от ответственности за свои незаконные действия (вторжение и военную оккупацию или последующие события) путем создания — или обеспечения каким-то иным образом дальнейшего существования — марионеточных режимов, представленных лицами с оккупированной территории. С учетом необходимости укрепления правовых компонентов защиты окружающей среды делегация оратора поддерживает будущую работу Комиссии по вопросам, касающимся правовой и материальной ответственности за международный ущерб в связи с вооруженными конфликтами, в частности в ситуациях военной оккупации.

121. Что касается темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», то делегация оратора отмечает, что государства-члены и сама Комиссия разделились по

поводу вопроса об ограничениях и исключениях из иммунитета. Делегация вновь подтверждает свое мнение о том, что многое еще предстоит сделать на международном уровне для обеспечения того, чтобы лица, виновные в совершении серьезных преступлений, в том числе должностные лица государств, привлекались к судебной ответственности. К обязательным условиям обеспечения устойчивого мира и долгосрочной стабильности относятся установление истины в отношении имевших место в ходе конфликта серьезных нарушений норм международного гуманитарного права и права прав человека, предоставление адекватной и реальной компенсации потерпевшим, а также принятие необходимых институциональных мер во избежание повторения подобных нарушений.

122. Делегация оратора не уверена полностью в том, что работа Комиссии по этой теме является надлежащим способом решения данной проблемы. Она открывает путь к неправильному толкованию и политически мотивированным действиям в нарушение принципа суверенного равенства государств и противоречит интересам стабильности международных отношений. Проект статьи 7, принятый Комиссией в предварительном порядке, в том числе в части некоторых из перечисленных в нем преступлений, не находит достаточного отражения в практике государств и не отражает нормы международного обычного права.

123. В своем первом докладе по теме «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами» Специальный докладчик указал на решение Европейского суда по правам человека по делу *«Чирагов и другие против Армении»* и на резолюции Совета Безопасности 822 (1993) и 853 (1993) в качестве примеров документов, в которых определенные ситуации были охарактеризованы как ситуации военной оккупации. Однако Специальному докладчику следовало также добавить резолюции Совета Безопасности 874 (1993) и 884 (1993) и резолюции Генеральной Ассамблеи 60/285 и 62/243, которые касаются этого же вопроса.

124. Ссылка на эти источники будут актуальна также в связи с анализом, содержащимся во втором докладе Специального докладчика по теме правопреимства государств в отношении ответственности государств (A/CN.4/719).

125. Г-н Мусихин (Российская Федерация) говорит, что делегация его страны неоднократно выражала сомнения относительно перспективности дальнейшей работы по теме «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», которая уже

более пяти лет находится на рассмотрении Комиссии. По мнению делегации оратора, этот вопрос достаточно подробно урегулирован международным гуманитарным правом и не нуждается в выработке, например, новой международной конвенции. Нормы международного права, действующие в ситуации вооруженного конфликта, должны быть предельно ясными. Приоритет должен заключаться в обеспечении безопасности, прежде всего, гражданского населения.

126. Изначально идея заключалась не в обобщении норм международного права в области защиты окружающей среды, а в изучении их применения исключительно во время вооруженного конфликта. Затем в сферу охвата проекта принципов были включены «превентивные меры» и «принципы, применимые после вооруженного конфликта», то есть положения, посвященные времени до и после конфликта. Поскольку обозначенные периоды считаются мирным временем, общие нормы, касающиеся защиты окружающей среды, должны быть применимыми в полной мере. В этой связи контрпродуктивными являются попытки выработать свод всеобъемлющих правил в области защиты окружающей среды на всех фазах, а именно до, во время и после вооруженного конфликта.

127. Проекты принципов, изложенные в первом докладе Специального докладчика по этой теме ([A/CN.4/720](#) и [A/CN.4/720/Corr.1](#)), содержат формулировки общего характера, например об объявлении «районов особой экологической и культурной значимости» «охраняемыми зонами». Вопрос учреждения таких образований в отсутствие войны не должен быть предметом рассмотрения. Если же говорить о контексте вооруженного конфликта, то, как хорошо известно, международное гуманитарное право относится к охраняемым зонам демилитаризованные зоны, больницы и зоны безопасности, а также незащищенные населенные пункты. В ходе разработки Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям идея распространения такого статуса на другие объекты необходимой поддержки не получила. Эти обстоятельства целесообразно учитывать; в противном случае проекты принципов будут противоречить действующему международному гуманитарному праву. Кроме того, доклад содержит анализ взаимосвязи норм, касающихся прав человека, и международного гуманитарного права. Данный подход не должен вести к каким-либо изменениям толкования действующих норм международного гуманитарного права.

128. По мнению делегации оратора, в контексте проектов принципов 5 [I-x] и 13 [II-5] нецелесообразно

говорить о применении по аналогии международно-правового режима охраны культурного наследия к вопросам, связанным с защитой окружающей среды в случае вооруженного конфликта. Кроме того, в данных проектах принципов упоминается термин «охраняемая зона». При этом в современном международном гуманитарном праве такое понятие отсутствует. Так, четвертая Женевская конвенция и Дополнительный протокол I к ней предусматривают три типа «зон безопасности»: санитарные зоны, нейтральные зоны и демилитаризованные зоны. Введение понятия «охраняемой зоны» излишне расширяет понятие «зоны безопасности». Проект принципа 6 (Защита окружающей среды на территориях проживания коренных народов) не имеет непосредственного отношения к теме.

129. Неясно, в чем заключаются упомянутые в пункте 2 проекта принципа 4 предпринимаемые государствами дальнейшие меры для улучшения защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами. В пункте 3 проекта принципа 9 [II-1] следовало бы уточнить, из каких именно компонентов состоит окружающая среда, а также каким образом военное использование одного из таких компонентов затрагивает статус природной среды в целом. Из проекта принципа 11 [II-3] ясно не вытекает, что именно подразумевается под термином «природоохранные соображения». Насколько понимает делегация оратора, действующей договорной системе международного гуманитарного права неизвестно данное понятие. Следовало бы уточнить, что именно имеется в виду и каковы пределы такого рода соображений.

130. В целом проект принципов содержит некоторые положения, которые требуют более детального рассмотрения и раскрытия, в особенности положения, которые излишне расширяют охват темы. По мнению делегации оратора, в проекте принципов следовало бы избегать формулировок, не применимых в современном международном гуманитарном праве. Вопросы комплементарности с другими отраслями международного права, включая международное экологическое право, охрану окружающей среды в условиях оккупации, вопросы правовой и материальной ответственности, ответственности негосударственных акторов, а также общее применение проекта принципов к вооруженным конфликтам немеждународного характера, требуют тщательного анализа.

131. Мнение делегации оратора относительно перспектив дальнейшей работы по теме «Правопреемство государств в отношении ответственности государств» не изменилось. Комиссия не сумела

значительно продвинуться по этой теме. Проекты статей 5 (Случаи правопреемства государств, подпадающие под настоящие проекты статей) и 6 (Отсутствие влияния на атрибуцию), принятые в предварительном порядке редакционным комитетом, сами по себе вопросов не вызывают, однако они несут лишь вспомогательную нагрузку. Проблема же, которая так и не была решена удовлетворительно, — это общий подход к теме.

132. В ходе семидесятой сессии Комиссии Специальный докладчик решил кардинальным образом поменять направление работы над темой, изменив признание в качестве общего правила нормы об автоматическом правопреемстве в отношении ответственности на норму о неправопреемстве с возможными исключениями из нее. Примечательно, однако, что такой кардинальный пересмотр подходов, судя по всему, базируется на тех же самых немногочисленных примерах практики государств и судебных решениях. Эти примеры являются дискуссионными с точки зрения рассмотрения их в качестве доказательства некоего сформированного правила о правопреемстве государств в отношении ответственности и, соответственно, с точки зрения того, могут ли они быть использованы в качестве фундамента для формулирования каких-либо проектов статей. Кроме того, делегация оратора сомневается в том, что отход от Венской конвенции 1978 года о правопреемстве государств в отношении договоров и Венской конвенции 1983 года о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов является методологически верным.

133. Вместо того, чтобы отталкиваться от наборок Комиссии по вопросам, имеющим отношение к правопреемству государств, Специальный докладчик в качестве основной опоры своего исследования использовал доклад Института международного права и принятую на его основании резолюцию, а также труды Патрика Дамберри. Кроме того, делегация оратора не уверена в том, что избранный метод выстраивания проектов статей в зависимости от сохранения государства-предшественника или его исчезновения является методологически правильным. Более удачной являлась бы структура проектов статей по категории правопреемства по аналогии, например, с Венской конвенцией 1983 года. С учетом примеров практики государств, рассмотренных Специальным докладчиком, а также в свете части IV (Государственные долги) Венской конвенции 1983 года более обоснованным был бы подход, согласно которому соглашения являются основным способом урегулирования вопросов ответственности в связи с

правопреемством. В этой связи шагом в верном направлении является пункт 2 проекта статьи 1, который был представлен Комиссии председателем редакционного комитета, но не стал частью доклада Комиссии. В этом положении Комиссия ясно дала понять, что проекты статей носят остаточный характер, поскольку они будут действовать лишь в том случае, если не достигнуто соглашение об ином.

134. У делегации оратора имеются сомнения и относительно подхода Специального докладчика к атрибуции ответственности при правопреемстве. Как понимает делегация оратора, Специальный докладчик предлагает следующее: если государство-предшественник продолжает существовать, правопреемники не должны нести ответственности, за исключением отдельных случаев; если же государство-предшественник исчезает, то к государствам-правопреемникам должны переходить определенные обязательства, вытекающие из правопреемства в отношении ответственности (например, выплата денежной компенсации). В обоснование Специальный докладчик ссылается на то, что при исчезновении государства-предшественника сохранение правила о правопреемстве было бы несправедливым по отношению к пострадавшему государству. По мнению делегации оратора, принципу справедливости может не соответствовать подход, при котором государства-преемники не несут никакой ответственности за нарушения государства-предшественника, притом что они получают часть его имущества, активов и территории. Однако такой подход мог бы применяться к новым независимым государствам.

135. Вопросы непосредственной ответственности государства-предшественника, которое продолжает существовать, не должны являться предметом исследования, они вытекают из норм общей ответственности государств, а не правопреемства. Подобные эпизоды не рассматриваются в Венских конвенциях 1978 и 1983 годов. Поэтому необходимость в проекте статьи 6 отсутствует. Делегация оратора подтверждает свое мнение о том, что институт продолжательства не должен быть предметом рассмотрения в рамках данной темы. Делегация также предлагает Комиссии рассмотреть вопрос об изменении формы окончательного продукта работы по теме на аналитический доклад.

136. Что касается темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», то делегация оратора отмечает, что процессуальные аспекты темы не были рассмотрены широко и всесторонне. Делегация ожидает продолжения прений по шестому докладу Специального докладчика (A/CN.4/722) на семьдесят первой сессии

Комиссии, а также представления Специальным докладчиком седьмого доклада, который должен завершить рассмотрение процессуальных аспектов. Делегация также ожидает предложения по проектам статей, отражающим вопросы, рассматриваемые в шестом докладе.

137. Делегация оратора разделяет стремление Специального докладчика найти ответы на ряд фундаментальных процессуальных вопросов, в том числе: когда начинает действовать иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции; на каких действиях государства суда сказывается иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции; кто определяет применимость иммунитета и каковы последствия такого определения для иммунитета; является ли задействование иммунитета необходимым, и кто может его задействовать; как и кем осуществляется снятие иммунитета; и каковы последствия снятия иммунитета для осуществления юрисдикции.

138. Поскольку иммунитет имеет процессуальную природу, процессуальные аспекты его применения имеют принципиальное значение. Комиссия могла бы сформулировать ценное руководство в этой области, основываясь на существующем прецедентном праве и практике. Формулировка процессуальных правил задействования иммунитета могла бы снять некоторые из озабоченностей государств по вопросу не соответствующего международной практике правила о наличии исключений из иммунитета, сформулированного в проекте статьи 7. К сожалению, в докладе рассмотрены не все процессуальные аспекты, равно как и нет в нем анализа взаимосвязи между процессуальными и материально-правовыми аспектами данной темы. В целом реалистичность перспективы полностью сбалансировать за счет набора процессуальных гарантий формулировки концептуального и принципиального характера, содержащегося в проекте статьи, вызывает сомнение.

139. Комиссии не следует спешить с завершением первого чтения проектов статей на семьдесят первой сессии. Делегация оратора в первую очередь рассчитывает получить в седьмом докладе Специального докладчика полный свод проектов статей по процессуальным аспектам темы. После обсуждения процессуальных вопросов Комиссия могла бы под иной призмой рассмотреть и пересмотреть содержание проекта статьи, чтобы сгладить разногласия не только в рамках Комиссии, но и среди членов Шестого комитета. Делегация оратора подтверждает свое мнение о том, что исключения, перечисленные в проекте статьи, принятой голосованием в Комиссии, а не консенсусом, не подтверждаются ни

практикой национальных или международных судов, ни законодательством государств.

140. Желание искоренить безнаказанность за тяжкие международные преступления — благородная цель, но оно не должно служить инструментом манипулирования нормами международного обычного права. Введение исключений из иммунитетов должностных лиц государств от иностранной уголовной юрисдикции может стать инструментом политического давления одних государств на другие под лозунгом борьбы с безнаказанностью, что только увеличит напряженность в межгосударственных отношениях.

141. Делегация оратора не поддерживает рассмотрение вопросов, касающихся международной уголовной юрисдикции в рамках темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции». Во-первых, формулировка проекта статьи 1, принятой Комиссией в предварительном порядке, согласно которой «настоящие проекты статей применяются к иммунитету должностных лиц государства от уголовной юрисдикции другого государства», исключает рассмотрение международной уголовной юрисдикции. Во-вторых, международные уголовные инстанции функционируют на основе специальных правовых режимов, будь то специальный договор (как Римский статут Международного уголовного суда) или резолюция Совета Безопасности. Задействование иммунитета в таких случаях осуществляется с учетом специальных международно-правовых инструментов. Таким образом, делегация оратора не усматривает поля для кодификации или прогрессивного развития международного права на этом направлении.

142. **Г-н Куэльяр Торрес** (Колумбия), касаясь темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», говорит, что экологические последствия, порождаемые до и во время конфликта, могут представлять серьезную угрозу для людей и экосистем. Экологический ущерб, причиненный в результате вооруженного конфликта, в долгосрочной перспективе может привести к непоправимым последствиям и вполне может подорвать эффективность восстановления обществ и уничтожить большие участки дикой природы и экосистем. Поэтому в принципе 24 Рио-де-Жанейрской декларации 1992 года по окружающей среде и развитию было подчеркнуто, что война неизбежно оказывает разрушительное воздействие на процесс устойчивого развития, и что поэтому государства должны уважать международное право, обеспечивающее защиту окружающей среды во время вооруженных

конфликтов, и должны сотрудничать в деле его дальнейшего развития.

143. На сегодняшний день законы, направленные на предотвращение, сокращение и устранение ущерба окружающей среде, причиненного в результате вооруженного конфликта, неэффективны. Таким образом, нормы международного гуманитарного права необходимо интегрировать в другие отрасли международного права, например экологического права, права в области прав человека, международного договорного права и даже морского права, с целью защиты окружающей среды как неотъемлемой части общества. В этой связи делегация оратора согласна со Специальным докладчиком в том, что природоохранные соображения проникли в большинство областей международного права, о чем свидетельствует консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека, касающееся обязательств государств в отношении окружающей среды и права на жизнь и личную неприкосновенность. В этом заключении Суд подчеркнул взаимозависимость и неделимость прав человека, окружающей среды и устойчивого развития. Хотя заключение не касается защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, оно, тем не менее, применяется в этом контексте, поскольку обязательство по защите прав человека и охраны окружающей среды не прекращается в период вооруженного конфликта.

144. Эта тема особенно важна для Колумбии, где вооруженный конфликт нанес ущерб значительной части окружающей среды и отрицательно сказался на здоровье населения, что проявилось во многом, включая незаконную добычу полезных ископаемых, вырубку лесов, установку противопехотных мин, существование пережитков войны, разрушение скважин и разливы нефти. По этой причине мирное соглашение с Революционными вооруженными силами Колумбии (РВСК) содержит положение о том, что мандат Комиссии по вопросам установления истины, сосуществования и недопущения нарушений состоит в том, чтобы разьяснить и поощрять признание гуманитарных и социальных последствий конфликта для общества, включая его влияние на экологические права. Соглашением было также установлено, что лица, признавшие свои действия, могут предложить план мероприятий по возмещению ущерба и восстановлению окружающей среды, который в прямой форме включает программу защиты окружающей среды в природных заповедниках, программы восстановления окружающей среды в районах, затронутых проблемой культивирования запрещенных культур и установки противопехотных мин,

и программы по обеспечению доступа к питьевой воде и созданию канализационных систем.

145. **Г-н Липпве** (Микронезия), касаясь темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами» и проектов принципов, изложенных в первом докладе Специального докладчика ([A/CN.4/720](#) и [A/CN.4/720/Corr.1](#)), говорит, что делегация его страны решительно поддерживает выраженное в комментарии к проекту принципа 6 мнение о том, что существует «особая связь между коренными народами и окружающей их средой» — связь, в основе которой лежит многовековое тесное взаимодействие между народами и окружающей их природной средой. Наземные и морские районы и ресурсы имеют большое значение для коренных народов, будучи тесно связанными с их культурными практиками, социально-политическим статусом, самобытностью и источниками основных средств к существованию. Международное право, в том числе основные международные документы, практика и прецедентное право государств, изобилует примерами признания прав коренных народов, включая право на использование окружающей их природной среды для долгосрочных целей, которые являются уникальными для них и имеют ключевое значение для их самобытности. Вооруженные конфликты, особенно в тех случаях, когда в них вступают иностранные державы, обычно нарушают связь между коренными народами и окружающей их природной средой, ставя под угрозу их самобытность как народа. Микронезия поддерживает содержащийся в пункте 2 проекта принципа 6 призыв к государствам проводить эффективные консультации и осуществлять эффективное сотрудничество с коренными народами в целях определения того, как наилучшим образом исправить ущерб, нанесенный территориям их проживания в результате вооруженного конфликта.

146. В международном праве отмечается растущее понимание того, что необходимо уделять внимание потребностям и интересам не только коренных народов, но и так называемых местных общин — групп, признанных в Конвенции о биологическом разнообразии и в Нагойском протоколе к ней, а также в Парижском соглашении об изменении климата. По мнению Микронезии, существует важное различие между коренными народами и местными общинами в том смысле, что коренные народы, как правило, являются потомками людей, которые населяли страну во время завоевания или колонизации страны иностранным субъектом; в настоящее время подчиняются доминирующим группам населения страны или живут на удалении от них; и сохраняют социально-

экономические, культурные и политические институты, возникшие до эры завоевания и колонизации. Местная община, с другой стороны, как правило, представляет собой население, имеющее давние исторические, культурные и политические корни в стране, не подчиняющееся любым другим группам населения страны и не живущее на удалении от них. Такие местные общины имеют многие из тех же самых связей с окружающей природной средой, что и коренные народы, однако местные общины обладают преимуществом, являясь составными элементами государств, в то время как коренные народы не обязательно интегрированы таким же образом. Микронезия настоятельно призывает Комиссию рассмотреть вопрос о том, может ли содержание проекта принципа 6 применяться к таким местным общинам.

147. Микронезия поддерживает пересмотр редакционным комитетом первоначального проекта принципа 19, разработанного Специальным докладчиком, с тем чтобы отразить взаимосвязь между охраной природной среды и осуществлением некоторых прав человека. Права человека на жилье, средства к существованию, здоровье, религиозную практику, культурную деятельность и участие в политической жизни и другие затрагивающие людей ключевые аспекты зависят от здоровой, процветающей и неврежденной природной среды. Четкую связь между защитой природной среды и осуществлением основных прав человека следует отразить в проекте принципа 19 или в каком-либо другом проекте принципа. Делегация оратора ожидает более широкого обсуждения этого вопроса в комментариях к проекту принципа 19.

Заседание закрывается в 13 ч 10 мин.